

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 07.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-62-69

СОЛОВЬЁВ Александр Сергеевич,
Государственное казенное учреждение «Московский центр
недвижимости», главный юрисконсульт, аспирант кафедры
конституционного права Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации, Москва, Россия,
e-mail: alexsolovv26@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ СЛОВА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Аннотация. Предметом исследования является принцип свободы слова и убеждений в условиях современных информационных вызовов. В данной статье рассматривается проблема поиска баланса между защитой этого конституционного принципа и необходимостью противодействия распространению противоправного контента. Цель работы — проанализировать актуальные законодательные подходы и правоприменительную практику, а также выработать предложения по их совершенствованию.

В исследовании применялась методология, основанная на сравнительно-правовом, формально-юридическом и системном анализе. Были изучены концепции российского и зарубежного законодательства, а также практика Европейского суда по правам человека. В результате выявлена тенденция к ужесточению государственного контроля в информационной сфере и проблема «инфляции» законодательных запретов. Раскрываются проблемы, связанные с применением норм об ответственности за распространение недостоверной информации и проявлением неуважения к власти.

Научная новизна заключается в комплексном анализе трансформации принципа свободы слова в цифровую эпоху. Вкладом автора в исследование является обобщение опыта правового регулирования и выявление рисков для фундаментальных прав. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования законодательства путем уточнения правовых дефиниций и установления соразмерных критериев для ограничения свободы слова. Область применения результатов — нормотворческая деятельность и правоприменительная практика.

Ключевые слова: свобода слова, свобода убеждений, информационные вызовы, правовое регулирование, ограничение прав, недостоверная информация, государственный контроль, конституционные права, цифровизация.

SOLOVYOV Alexander Sergeevich,
State Public Institution Moscow Real Estate Center. Chief Legal
Counsel. Postgraduate student of the Department of Constitutional
Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the
Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF SPEECH IN THE CONTEXT OF INFORMATIZATION

Annotation. The subject of the research is the principle of freedom of speech and belief in the context of modern information challenges. This article addresses the problem of finding a balance between protecting this constitutional principle and the need to counter the dissemination of illegal content. The objective of the work is to analyze current legislative approaches and law enforcement practices, as well as to develop proposals for their improvement.

The research methodology was based on comparative-legal, formal-legal, and systemic analysis. The concepts of Russian and foreign legislation, as well as the practice of the European Court of Human Rights, were studied. As a result, a trend towards tightening state control in the

information sphere and the problem of "inflation" of legislative prohibitions were identified. The paper reveals problems related to the application of norms on liability for disseminating false information and showing disrespect for authority.

The scientific novelty lies in the comprehensive analysis of the transformation of the principle of freedom of speech in the digital era. The author's contribution to the research is the generalization of legal regulation experience and the identification of risks to fundamental rights. The author concludes that it is necessary to improve legislation by clarifying legal definitions and establishing proportional criteria for restricting freedom of speech. The field of application for the results is rulemaking and law enforcement practice.

Key words: *freedom of speech, freedom of belief, information challenges, legal regulation, restriction of rights, false information, state control, constitutional rights, digitalization.*

Свобода слова, закрепленная в статье 29 Конституции Российской Федерации [16], представляет собой основополагающее право человека, гарантированное государством, которое обеспечивает возможность свободно выражать свои мысли, мнения и убеждения по любым вопросам общественной, государственной и иной значимости, используя для этого устную или письменную речь, выступления на собраниях и митингах, а также иные законные средства коммуникации.

Нормативное закрепление принципа свободы слова обладает объективной правовой природой и существенным значением для правовой системы. Прежде всего, данное положение является реализацией конституционной функции государства, состоящей в признании, соблюдении и защите указанного права в качестве одной из основополагающих ценностей [6, с. 244]. Кроме того, указанный принцип выступает обязательным условием для функционирования гражданского общества и демократического режима, при котором многонациональный народ, являясь единственным источником власти, осуществляет свои полномочия, в частности, посредством свободного выражения собственных взглядов и позиций [12, с. 93]. Фиксация публичной оценки проводимой государственной политики создает предпосылки для объективного обоснования значительных общественных и политических преобразований. Наконец, реализация свободы слова неизбежно сопряжена с законодательно установленными изъятиями, которые формируют правовые пределы ее использования в интересах обеспечения основ конституционного строя, охраны здоровья, нравственности, прав и законных интересов иных лиц [8, с. 146].

Однако в современных условиях, характеризующихся стремительной цифровизацией, геополитической турбулентностью и ростом экстремистских угроз, реализация свободы слова сталкивается с новыми вызовами, особенно обостренными в контексте специальной военной операции (СВО). Ответом на них стали законодательные новации, направленные на противодействие мани-

пуляции общественным сознанием и распространению деструктивного контента. Это порождает необходимость поиска баланса между незыблемостью конституционного права и интересами национальной безопасности.

Итак, поскольку современное общество представляет собой сложноорганизованную систему, свобода слова не может носить абсолютный характер. В этой связи правовая доктрина и законодательство обоснованно устанавливают её пределы, позволяющие достичь баланса между интересами личности, общества и государства.

В рамках данного подхода следует проводить разграничение между правомерным ограничением конституционного права на свободное распространение информации и механизмом правовой охраны общества от деструктивных проявлений. К последним относятся действия, направленные на подрыв общественной безопасности, разжигание социальной розни, распространение заведомо ложной информации, а также иные формы неуважения к правам и законным интересам других лиц [4, с. 198].

Установление таких правовых рамок не противоречит природе свободы слова, а, напротив, обеспечивает её устойчивое существование в правовом поле.

Л.М. Большаков подчёркивает, что определение границ свободы слова должно осуществляться в контексте принципа недопустимости злоупотребления субъективными правами. Сущность ограничений свободы личности заключается в установлении разграничительной линии между конкурирующими субъективными правами, что обусловлено системной взаимосвязью всех прав и свобод человека. Особое значение имеют внутренние, имманентные границы свободы, проистекающие из её природы. В сфере свободы слова таким естественным рубежом выступает момент перехода от внутренней свободы мысли к внешней форме её выражения, что требует учёта установленных законом рамок [1, с. 69].

Интересной позиции придерживается и В.А. Лебедев. По его мнению, пределы реали-

зации свободы личности и степень её автономии формируются под воздействием объективных законов общественного прогресса. Государство вправе устанавливать ограничения, направленные на обеспечение свободы каждого индивида в социуме, причём такие ограничения носят не произвольный, а объективно необходимый характер, обусловленный балансом частных и публичных интересов [10, с. 133].

Необходимо констатировать, что при отсутствии конкретных ограничений пределы права остаются умозрительной конструкцией, тогда как законодательно установленные изъятия, по сути, отражают меру допустимого вмешательства публичной власти и позволяют выявить соотношение между естественными пределами и нормативно закреплёнными предписаниями.

Современный цифровой поле характеризуется доминированием сети Интернет в качестве ключевого инструмента получения информации, что обусловлено её общедоступностью, высокой скоростью обновления информации, а также мультимедийностью, позволяющей воспринимать данные через текстовые, аудиовизуальные и графические материалы. Вместе с тем, как обоснованно указывает О.С. Жукова, глобальная сеть одновременно представляет собой наиболее удобную и слабо регулируемую площадку для распространения идеологии экстремизма. Эта парадоксальная особенность обусловлена минимальными операционными издержками на трансляцию деструктивного контента, высокой скоростью его распространения, а также отсутствием унифицированной международно-правовой базы, способной осуществлять эффективное регулирование в данной сфере [5, с. 6].

Актуальность и масштабность данной угрозы находят своё объективное подтверждение в документах стратегического планирования и данных официальной статистики.

Так, в Указе Президента РФ от 28 декабря 2024 г. «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [17] констатируется, что на современном этапе отмечается эскалация радикальных настроений в отдельных социальных группах и интенсификация как внешних, так и внутренних экстремистских угроз. Мониторинг ведомственной статистики МВД России фиксирует устойчивую динамику роста регистрируемых преступлений экстремистской направленности: 52 случая в январе 2022 года (прирост 15,6% в годовом исчислении) и 134 случая в январе 2023 года (увеличение на 157,7% относительно января 2022 года). Председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин сообщил о значительном увеличении количества

уголовных дел об экстремизме, переданных в судебные инстанции в 2024 г.: рост составил 43% по сравнению с 2023 годом, а число лиц, привлечённых в качестве обвиняемых, возросло более чем на 50% [18]. В 2025 г., по данным ГИАЦ МВД России, зарегистрировано 5920 преступлений террористического характера (+59,4%) и 2241 преступление экстремистской направленности (+30,4%) [19].

В ответ на существенный рост распространения недостоверной информации Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций обратилась к СМИ с требованием использовать в своих публикациях исключительно официальные российские источники [20]. Наряду с этим отмечается, что Роскомнадзор в рамках полномочий, предоставленных статьёй 15.3 Федерального закона № 149-ФЗ [21], осуществляет оперативное блокирование информационных материалов, содержащих заведомо ложные сведения.

Особый правовой режим регулирования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» объективно обусловлен её специфическими свойствами, прежде всего способностью к мгновенному распространению информации в глобальном масштабе. Данная технологическая особенность детерминирует прямую угрозу оказания масштабного воздействия на общественное сознание, что создаёт необходимость установления специальных правовых механизмов контроля [9, с. 65]. В условиях стремительной циркуляции информации даже единичная публикация способна инициировать лавинообразную реакцию и привести к дестабилизации общественного порядка.

Правомерность требования использовать официальные источники в периоды кризиса обусловлена не столько соображениями ограничительного характера, сколько логикой защиты публичного интереса. В условиях, когда дезинформация становится фактором, дестабилизирующим общественный порядок и порождающим коллективную панику, данная мера выступает в роли превентивного барьера [13, с. 94]. С практической точки зрения, она вызвана к жизни ограниченными ресурсами государства, не позволяющими осуществлять перманентный мониторинг и верификацию контента в каждом канале коммуникации.

В то же время, стоит отметить, что в современной России существует ряд проблем в реализации права на свободу слова и мысли, требующих разработки решений.

На практике наблюдается существенное расхождение между дозволенным национальным законодательством и внутренней политикой интернет-платформ. В то время как федеральное регу-

лирование, как правило, запрещает не сам факт распространения определённых категорий информации (таких как материалы, содержащие дискриминационные высказывания, сцены насилия или откровенного характера), а лишь пропаганду или оправдание деструктивных явлений, а также вводит возрастные цензы, администраторы онлайн-сервисов нередко устанавливают более строгие, превентивные запреты, полностью блокируя доступ к подобному контенту, что можно наблюдать в регламентах таких платформ, как Twitch или Pinterest.

Суть проблемы заключается в асимметрии правовых требований, предъявляемых к государству и частным корпорациям. К законодателю правомерно требование соблюдения принципов правовой определённости, нормативной ясности и предсказуемости правоприменения, что обеспечивает равенство всех перед законом и судом [7, с. 231]. В отличие от этого, владельцы цифровых платформ, будучи субъектами частного права, формально не связаны данными конституционными стандартами при разработке и изменении своих пользовательских соглашений и правил сообщества. Это создаёт правовой вакуум, в котором возможны злоупотребления, связанные с неясностью, изменчивостью и односторонним толкованием внутренних регламентов.

Выход из сложившейся ситуации видится в поиске адекватного правового механизма, который обеспечил бы защиту прав пользователей без радикального пересмотра правовой природы интернет-компаний. Один из предлагаемых путей – признание за крупнейшими информационными посредниками публично-правового статуса с распространением на них соответствующих конституционных требований [2, с. 647].

Само по себе выполнение платформой социально значимой функции по фильтрации деструктивного контента не является достаточным основанием для её квалификации в качестве публичного субъекта, поскольку аналогичные общественно полезные функции выполняют и иные частные организации (например, в сфере здравоохранения или образования), не приобретая при этом статус *state actor*. Как показывает сравнительно-правовой анализ, в частности, американской правовой доктрины, ключевым критерием для такого «опубликования» является выполнение функции, которая исторически и в исключительном порядке относится к прерогативе государства [15, с. 45].

Следует учитывать, что практика модерации публикуемых материалов, будучи неотъемлемым элементом редакционной политики, широко распространена среди субъектов медиасферы, функционирующих в публичном информационном

пространстве. Поскольку деятельность таких лиц осуществляется вне рамок публично-властного регулирования и не наделена государственными прерогативами, правовая оценка их деятельности через призму обязанности соблюдения конституционных прав и свобод представляется дискуссионной с точки зрения прямого действия норм конституционного права.

Более того, абсолютный запрет на установление не предусмотренных законом ограничений существенно сужает возможности владельцев сайтов осуществлять предпринимательскую, информационную и творческую деятельность.

Следует констатировать, что прямое законодательное ограничение усмотрения владельцев онлайн-платформ исключительно рамками, прямо предписанными законом, объективно сужает сферу их автономии. Хотя в современной правовой практике различных государств прослеживается тенденция к приведению корпоративных стандартов цифровых платформ в соответствие с национальным законодательством, оправданным является тезис о недопустимости полного лишения администрации социальной сети прерогативы самостоятельного определения критериев допустимого контента. В данном контексте праву на свободное распространение информации корреспондирует конституционно гарантированная свобода экономической деятельности, охватывающая и автономию воли при установлении правил пользования цифровым сервисом, что в своей совокупности создаёт сложный механизм взаимодействия и балансирования частных и публичных интересов в информационном пространстве.

Безусловно, возложенная на государство обязанность по поддержанию справедливого баланса в информационной сфере включает обеспечение реального доступа к эффективному судебному контролю за соблюдением фундаментальных прав граждан [11, с. 111]. При этом признание за администрацией интернет-ресурса права на формирование собственных правил модерации не снимает с публичной власти ответственности за создание юридических процедур, позволяющих пользователю обжаловать в судебном порядке решения владельца платформы, нарушившие его права. Данный механизм правовой защиты должен распространяться и на ограничения, наложенные на основании предписаний национального законодательства.

В условиях, когда значительная часть общественной коммуникации переместилась в цифровую среду, государство обязано обеспечивать защиту традиционных прав и свобод, приобретающих новое звучание. Наделение интернет-компаний квазирегуляторными полномочиями создаёт

серьезные риски для свободы выражения мнений, поскольку на эти субъекты не распространяется в полной мере обязанность соблюдать конституционные гарантии прав человека, принципы правового равенства и соразмерности.

В то же время, риски непрозрачной модерации в социальных сетях не могут быть устранены за счет умаления прав самих владельцев платформ. Придание фундаментальным правам «горизонтального эффекта» способно возложить на частные организации непомерное бремя. В этой связи легитимация права социальных сетей устанавливать собственные правила должна сопровождаться законодательным закреплением императивных требований к содержанию, форме и процедуре введения таких ограничений.

Далее, необходимо подчеркнуть важность вопроса открытости правительственной информации для граждан. Средств массовой информации, в их традиционном понимании (теле- и радиовещание), зачастую оказывается недостаточно для формирования у населения, в особенности у молодежной аудитории в возрасте 18-35 лет, целостного представления о механизмах государственного управления, ходе нормотворческого процесса и содержании вступивших в юридическую силу нормативных правовых актов. Следствием данной тенденции является недостаточный уровень информированности молодых граждан о структуре и функциях государственного аппарата, что создает объективные препятствия для их полноценного участия в публично-правовой жизни страны. При этом право на информацию, будучи одним из фундаментальных прав человека, выступает предметом глубокого научного анализа в трудах таких авторов, как З.Р. Гаджиева и В.С. Хижняк [3, с. 36; 14, с. 134].

Итак, право на свободу мысли и слова, предполагающее плюрализм мнений, является необходимым условием функционирования гражданского общества и государства. Без его полноценной реализации невозможно эффективное функционирование публичных институтов и развитие демократических основ.

В свою очередь, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что современный этап реализации конституционного права на свободу слова в Российской Федерации характеризуется его принципиально новой дилеммой, порожденной цифровой средой, что ставит под угрозу реальное осуществление ключевого конституционного права в основной сфере публичной коммуникации.

Таким образом, основными направлениями действий по решению обозначенных в работе проблем являются:

Стимулирование плюрализма в информационном пространстве, включая телерадиовещание, печатные и цифровые средства массовой информации. Ключевой задачей в условиях цифровой трансформации является противодействие ограничениям доступа к информации из источников, альтернативных государственному. В рамках данной задачи целесообразно предусмотреть оптимизацию процедуры государственной регистрации СМИ, обеспечив при этом максимальную прозрачность и объективность последующего контроля за соблюдением законодательства о распространении информации. Эффективной мерой стимулирования может также выступать ревизия размера государственной пошлины за регистрацию СМИ в сторону ее уменьшения.

С другой стороны, требуется обеспечить эффективное противодействие распространению противоправного контента путем разработки и законодательного закрепления четких, юридически выверенных критериев, позволяющих дифференцировать добросовестную деятельность интернет-СМИ от целенаправленного распространения запрещенной информации.

Так, представляется необходимым введение в Федеральный закон № 149-ФЗ новой статьи 10.8. «Требования к правилам модерации информации владельцами социальных сетей и иными информационными посредниками». В рамках которой необходимо:

а) Закрепить императивное требование о том, что правила модерации контента должны быть сформулированы ясно, конкретно и быть легкодоступными для пользователя.

б) Обязать владельца платформы уведомлять пользователя о каждом факте применения мер ограничения (блокировка, удаление контента) с обязательным указанием конкретного основания со ссылкой на нарушенный пункт правил и представлением фрагмента нарушающего контента.

в) Установить обязанность владельца платформы создать и поддерживать в рабочем состоянии эффективный внутренний механизм обжалования действий модераторов, предусматривающий рассмотрение жалобы уполномоченным лицом в разумный срок (например, не более 72 часов).

Для разрешения конфликтов между пользователями и администрациями платформ целесообразно закрепить в процессуальном законодательстве упрощенный порядок обжалования решений владельцев платформ, аналогично спорам о защите прав потребителей, с возложением на платформу бремя доказывания правомерности и добросовестности своих действий.

Для решения проблемы недостаточной ин-

формированности граждан, особенно молодого поколения, о деятельности публичной власти, недостаточно просто публиковать нормативные акты на официальных порталах. Целесообразно инвестировать в создание и продвижение интерактивных государственных информационных сервисов, использующих современные форматы (краткие видеообзоры законопроектов, интерактивные схемы с ходом их реализации, онлайн-трансляции с пояснениями экспертов). Партнерство с негосударственными, но лояльными у целевой аудитории блогерами и медиа для распространения официально верифицированного контента также может быть эффективной «конвертной» мерой, позволяющей донести информацию в привычной для пользователей форме.

Реализация указанных мер создаст правовые и институциональные предпосылки для формирования сбалансированной информационной среды, а также будет способствовать выработке новых концептуальных подходов к развитию законодательства в данной области, как со стороны государства, так и со стороны институтов гражданского общества.

Список литературы:

- [1] Большаков Л.М. Понятие и содержание пределов свободы слова в рамках интегративного подхода // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2022. – № 2. – С. 67–73.
- [2] Вавилина О.Е. Воплощение конституционного права на свободу слова и информации в Интернет-пространстве: специфика и существующие проблемы // Экономика и социум. – 2023. – № 11-2(114). – С. 641–649.
- [3] Гаджиева З.Р. Конституционное право человека и гражданина на информацию о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 170 с.
- [4] Грунтовая А.С., Ермолова Е.В. Свобода слова в цифровом пространстве: как Интернет влияет на выражение мысли // Права человека: история, теория, практика: Сб. науч. ст. XII Всерос. науч.-практ. конф. – Курск: Университетская книга, 2024. – С. 196–199.
- [5] Жукова О.С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2006. – 24 с.
- [6] Каллагов Т.Э. Реализация и обеспечение права на свободу слова и информации в Российской Федерации // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов и магистрантов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет». – Владикавказ, 2023. – С. 243–246.
- [7] Кириленко В.П., Шамахов В.А., Алексеев Г.В. Свобода слова и медиабезопасность: монография. – СПб.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. – 440 с.
- [8] Комарова В.В. Актуальные проблемы конституционного права: к 100-летию Е. И. Козловой: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 328 с.
- [9] Кочукова В.Н. Конституционно-правовые ограничения права на свободу слова // Конституционализм и государствоведение. – 2025. – № 1(37). – С. 64–70.
- [10] Лебедев В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex Russica. – 2017. – № 1(122). – С. 130–140.
- [11] Маллалиева Г.Г. Проблемы реализации конституционного права на свободу слова в деятельности СМИ на территории Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 5(168). – С. 111–112.
- [12] Никитин Е.В. Злоупотребление правом на свободу слова и на распространение информации // Университетские правовые диалоги: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2024. – С. 91–95.
- [13] Тушко О.Ю. О влиянии свободы слова и права на объединение на стабильность государственной власти // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 6(193). – С. 93–95.
- [14] Хижняк В.С. Конституционное право человека и гражданина на информацию в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – 222 с.
- [15] Hooker M.P. Censorship, Free Speech & Facebook: Applying the First Amendment to Social Media Platforms via the Public Function Exception // Washington Journal of Law, Technology & Arts. – 2019. – Vol. 15, № 1. – P. 36–73.
- [16] Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в редакции Закона Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // «Российская газета» от 4 июля 2020 г. № 144; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
- [17] Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации URL: www.pravo.gov.ru – С. 5 (дата обращения: 21.09.2025).
- [18] Данные Следственного Комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1900281> (дата обращения: 21.09.2025).

[19] Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/> (дата обращения: 17.02.2026).

[20] Информация Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникации [Электронный ресурс] // сайт. - URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74084.htm> (дата обращения: 19.01.2025).

[21] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 19.09.2025).

References:

[1] Bolshakov L.M. The concept and content of the limits of freedom of speech in the framework of an integrative approach // *Bulletin of SUSU. Series: Right.* – 2022. – № 2. - S. 67-73.

[2] Vavilina O.E. Embodiment of the constitutional right to freedom of speech and information in the Internet space: specifics and existing problems // *Economy and society.* – 2023. – № 11-2(114). - S. 641-649.

[3] Z.R. Hajiyeva. Constitutional right of man and citizen to information on the activities of state authorities and local self-government bodies in the constituent entities of the Russian Federation: dis.... *cand. jurid. sciences.* - M., 2013. - 170 s.

[4] Soil A.S., Ermolova E.V. Freedom of speech in the digital space: how the Internet affects the expression of thoughts // *Human rights: history, theory, practice: Sat. scientific. Art. XII All-Russia. scientific-practical. conf.* - Kursk: University Book, 2024. - S. 196-199.

[5] O.S. Zhukova. Legal measures to counter information extremism: abstract. dis.... *cand. jurid. sciences.* - Voronezh, 2006. - 24 s.

[6] Kallagov T.E. Realization and enforcement of the right to freedom of speech and information in the Russian Federation // *Bulletin of scientific works of young scientists, graduate students and undergraduates of the Gorsky State Agrarian University.* - Vladikavkaz, 2023. - S. 243-246.

[7] Kirilenko V.P., Shamakhov V.A., Alekseev G.V. Freedom of speech and media security: monograph. - St. Petersburg: Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 2019. - 440 s.

[8] Komarova V.V. Actual problems of constitutional law: to the 100th anniversary of E.I. Kozlova: monograph. - M.: Norm: INFRA-M, 2025. - 328 s.

[9] Kochukova V.N. Constitutional and legal restrictions on the right to freedom of speech // *Constitutionalism and state science.* – 2025. – № 1(37). - S. 64-70.

[10] Lebedev V.A. Constitutional foundations of restrictions on human and civil rights and freedoms // *Lex Russica.* – 2017. – № 1(122). - S. 130-140.

[11] Mallaliev G.G. Problems of the implementation of the constitutional right to freedom of speech in the activities of the media in the Russian Federation // *Eurasian Legal Journal.* – 2022. – № 5(168). - S. 111-112.

[12] E.V. Nikitin. Abuse of the right to freedom of speech and the dissemination of information // *University legal dialogues: Materials International. scientific-practical. conf.* - Chelyabinsk, 2024. - S. 91-95.

[13] Tushko O.Yu. On the impact of freedom of speech and the right to unite on the stability of state power // *Eurasian Law Journal.* – 2024. – № 6(193). - S. 93-95.

[14] Khizhnyak V.S. The constitutional right of man and citizen to information in the Russian Federation: dis.... *cand. jurid. sciences.* - Saratov, 1998. - 222 s.

[15] Hooker M.P. Censorship, Free Speech & Facebook: Applying the First Amendment to Social Media Platforms via the Public Function Exception // *Washington Journal of Law, Technology & Arts.* – 2019. – Vol. 15, № 1. – P. 36–73.

[16] Constitution of the Russian Federation: Adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended by the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 No. 1-FKZ) // *Rossiyskaya Gazeta* of July 4, 2020 No. 144; The official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

[17] Decree of the President of the Russian Federation of 28.12.2024 No. 1124 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation" [Electronic Resource] // Official InterFnet Portal of Legal Information URL: www.pravo.gov.ru – C. 5 (date of reference: 21.09.2025).

[18] Data of the Investigative Committee of the Russian Federation [Electronic resource] // URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1900281> (date of reference: 21.09.2025).

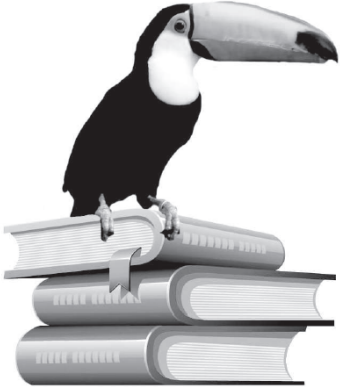
[19] The state of crime in the Russian Federation for January-December [Electronic resource] // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/> (accessed: 17.02.2026).

[20] Information from the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communication [Electronic Resource] // site. - URL: <https://rkn.gov.ru/press/>

news/news74084. htm (accessed on: 19.01.2025).

[21] Federal Law "On Information, Information Technology and Information Protection" of 27.07.2006

N 149-FZ [Electronic Resource] // Official Internet portal of legal information URL: www.pravo.gov.ru (date of reference: 19.09.2025).

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru